
Bailey Y. ‘Arakhim khevratim ba-shira ha-bedwit // “Reshimot be-nose’ ha-bedwim”. Midreshet Sde-Boqer. 1971. 3. P. 134–149.

Bailey Y. Ha-shir ha-bedwi ke-maqor histori // “Reshimot be-nose’ ha-bedwim”. Midreshet Sde-Boqer. 1973. 4. P. 3–17.

Bailey Y. Ha-shira ha-bedwit be-Sinay u-va-Negev // “Reshimot be-nose’ ha-bedwim”. Midreshet Sde-Boqer. 1975. 5. P. 115–136.

Bailey Y. Qesem ha-nvqot. Ra’anana, 1993.

Я.В. Васильков

ЗАГАДКИ ТЕКСТОВ И ОТВЕТЫ «ПОЛЯ»: КАК ИЗВЛЕЧЬ СТЕБЕЛЬ ИЗ ТРАВЫ МУНДЖА?

Автор данного сообщения должен признать, что не имеет опыта настоящего этнографического «поля». Да и где было взять такой опыт, занимаясь культурой древней Индии по текстам на классическом языке — санскрите и вплоть до 1990-х гг. не имея возможности поездок в изучаемую страну! Настоящим «полем» для исследователя классической культуры Индии может быть только пребывание в стране, предполагающее не одну лишь работу с музейными коллекциями или рукописными собраниями, но и наблюдения за живой современной жизнью. В индийских условиях такой подход исключительно плодотворен. Это объясняется одной специфической особенностью индийской цивилизации. Религиозно-философские установки индуизма и принципы кастовой организации общества санкционируют консервацию и сосуществование в рамках единой системы всех возможных типов общественного уклада и культуры. Не случайно в Индии добилось значительных успехов такое направление археологической науки, как «этноархеология» [Living Traditions 1994]. Индийские ученые эффективно используют для интерпретации археологических находок, хотя бы и относящихся к самым отдаленным временам, данные этнографии о материальной культуре современных индийских племен, в числе которых есть стоящие едва ли не на всех мыслимых стадиях развития.

В классических санскритских текстах исследователи постоянно сталкиваются с подлежащими идентификации и объяснению природными и культурными реалиями далеких эпох. Истолковать соответствующие термины по контекстам их употребления в имеющихся источниках удается далеко не всегда. Только обращение к «полевым» этнографическим данным, т.е. к живой культурной традиции, хранящей в себе наследие далекого прошлого, помогает в ряде случаев установить истину.

Чтобы продемонстрировать, насколько беспомощными оказываются иногда, если не обращаться к «полевым» данным, даже самые компетентные филологи и историки культуры, можно привести такой пример.

В текстах одного из древнейших религиозно-философских учений Индии, *санкхьи*, начиная с самых ранних, еще до-классических, представленных, в частности, в великой эпопее «Махабхарата», неоднократно встречается аналогия, призванная пояснить, как человек, практикующий йогу, после долгих, тягостных, казалось бы безнадежных усилий достичь в глубинах своей психики созерцания Пуруши или Атмана (сокровенной бессмертной основы своего существа), вдруг видит в себе Атман во всем его сиянии, и более того – обретает способность в любое время видеть его и в себе, и во всех живых существах.

Древнейший случай использования данной аналогии находим в «Катха упанишаде», где впервые формулируются основные положения *санкхья-йоги*. Бог смерти Яма сообщает юному брахману-подвижнику Начикетасу учение об Освобождении и заканчивает словами: «Пуруша, размером с большой палец, пребывает в сердце людей, внутри каждого. Пусть извлекут его решительно из своего тела, как (извлекают) *iedkv* из *tucja* (оставляем пока эти термины без перевода. — Я.В.). Пусть знают его, сияющего, бессмертного» [КатхУп 6.17].

Несколько более поздним временем датируются религиозно-философские тексты «Махабхараты», такие, например, как проповедь мудреца Санатсуджаты в 5-й книге эпоса, «Удьюгапарве» («Книга об усилиях [сохранить мир]»): «Те в этом мире, кто победили страсти, кто стремятся удерживать себя в “состоянии Брахмана”, пребывающие в ясности духа, — извлекают здесь Атман из тела, как (извлекают) *iedkv* из *tucja*» [Мбх V.44.4].

Та же аналогия используется в «Анугите» — тексте из 14-й книги «Махабхараты», излагающем учения эпической *санкхьи*: «Как человек, извлекаящий *iedkv* из *tucja*, может (потом) показывать (другим, где следует искать), так и йогин, выявив (в себе) Атман, (становится) способен прозревать его (скрытым) в теле. Тело называют (в данном случае) “*iedkv*”, а “*tucja*” означает Атман. Люди, сведущие в йоге, считают эту аналогию наилучшей» [Мбх XIV.19.21, 22].

В позднем трактате «Панчадаши» (автор — Видьяранья, XIV в.) говорится, что люди мудрые, имея практический навык (*yukti*), извлекают Атман из тела так же легко, как извлекается (тоже, по-видимому, при условии обладания практическим навыком) *iedkv* из *tucja* [Панчадаши 1.42].

Что же означают оба термина? Относительно термина *мунджа* все словари указывают, что это растение, и даже приводят его название в европейской ботанической классификации: *Saccharum munja* или *Saccharum sara*. В основных европейских словарях санскрита *мунджа* определяется как разновидность тростника («Schilfgras») [Buhlingk 1884: 88], «вид тростника или трава, подобная осоке» [Monier-Williams 1899: 821], «разновидность тростника или трава, из которой изготавливают брахманский пояс» [Apte 1965: 442], «осока, камыш» [Кочергина 1996: 516]. Для *ieḍv* / *æḍv* в словарях даются следующие значения: «тростник, камыш» Buhlingk 1889: 214; Mayrhofer 1956: 93; Apte 1965 95], «тростник, камыш, стебель травы, используемый в качестве стрелы» [Monier-Williams 1899: 168], «тростник» [Кочергина 1996: 109].

Переводчики, основывающиеся только на данных словарей, оказываются в сложном положении: получается, что «тростник» извлекается из «тростника». В поисках выхода, они дают порой волю фантазии, переводя, например, «как тростник из зарослей» [Махабхарата 1976: 108] или «как ветер из тростника» [The Principal Upanishads 1953: 647–648].

Большинство, однако, сознает, что оба слова относятся к растению, при этом *мунджа* определяет его вид, а словом *ишика* обозначается некоторая его часть: стебель или сердцевина. Соответственно переводят: «как ...из тростника ...стебель», (Б.Л. Смирнов; ср. его же «как бы освобождая стебель от коры») [Философские тексты «Махабхараты» 1977: 33, 178], «как стебель из тростника» (П. Дейссен) [Vier philosophische Texte des Mahabharatam... 1922: 19, 340, 900; Sechzig Upanishad's der Veda 1938: 287], «как стебель из травы мунджа» (Й. ван Бейтенен) [The Mahabharata 1978: 290]; другие полагают, что извлечение *ieḍv* из *micja* означает «извлечение сердцевины травы из ее стебля» (В.К. Шохин) [Лунный свет Санкхьи 1995: 22; Шохин 1997: 94]. В их передаче Атман или Пуруша извлекается йогином из бессознательного, «как сердцевина из тростника» (А.Я. Сыркин) [Упанишады 1967: 112]. В ходе состоявшейся в марте-апреле 2002 г. краткой дискуссии о смысле и способах перевода этой философской аналогии на сайте INDOLOGY (архив сохраняется: <http://listserv.liv.ac.uk/archives/indology.html>) известный специалист в области индийской философии и одновременно ученый-естественник (биохимик) Видьяшанкар Сундарешан тоже предложил переводить *ieḍv* как *pith* ‘мякоть’, ‘сердцевина’, понимая процесс ее «извлечения» как «снятие многочисленных верхних слоев» (письмо переслано А. Аклуджкаротом 6.04.2002). Признав мнение В. Сундарешана «весьма авторитетным», его фактически поддержал выдающийся санскритолог Фритц Стааль (письмо от того же дня).

К такому пониманию склоняли и присланные А. Аклуджкарром (письмо от 22.03.2002) данные средневекового комментария Рамакришны к выше цитированному месту из «Панчадаши» Видьяраньи. Там разъясняется, что «*мунджа* — особое растение этого имени», а *ишика* — «находящийся в глубине нежный стебель», который необходимо извлечь из-под закрывающих его «грубых листьев». Доверившись свидетельству традиционного комментатора, автор настоящего сообщения в тот момент признал предположение В. Сундарешана наиболее близким к истине (письмо от 13.04.02). Но позднее именно соприкосновение с «полем», т.е. с живой культурной традицией, позволило внести в картину, созданную воображением участников обсуждения, существенные поправки.

В декабре 2002 г. группа петербургских индологов посетила Санскритский университет на юге страны, в г. Тирупати, чтобы принять выставку «Научные достижения Древней Индии», которую индийские ученые готовили к показу в Санкт-Петербурге. Во время беседы с сотрудниками университета, ответственными за раздел экспозиции, посвященный традиционной индийской ботанике, нами был задан вопрос о том, что представляет собой растение *мунджа*. Наш собеседник, доктор Г. Кришна Мурти, попросил немного подождать его и вскоре вернулся, держа в руках горшок с кустом травянистого растения более метра высотой.

Как выяснилось, *мунджа* образует густые заросли из множества растений, хорошо укорененных в почве, что и позволяет в наши дни использовать посадки *мунджи* для закрепления песков по линиям железных дорог [Вульф, Малеева 1969: 13]. У каждого растения от корня отходит центральный стебель с узлами (санскр. *parvan*), как на стволе бамбука; помимо него от корня или, возможно, от самого нижнего узла отходят узкие длинные острокопечные листья, растущие параллельно стеблю и немногим уступающие ему в высоте. Такие же листья отходят от самого стебля ниже каждого из узлов. В итоге центральный стебель оказывается скрыт зелеными листьями. Между тем именно в центральном стебле заключена мякоть или сердцевина (санскр. *majjan* «[костный] мозг», «сердцевина [растений]»), употребляемая в пищу. Кроме того, стебли или нарезанные из них полосы после очистки от мякоти могли использоваться вместе с листьями по главному хозяйственному назначению *мунджи*: для плетения циновок, корзин, обуви и т.п. В этой функции мунджа известна уже в «Ригведе» и последующих ведийских текстах: именно из нее сплетался поясок (*massja* «изготовленный из мунджа», иначе: *mekhals*), который наставник посвящал юному брахману в обряде посвящения (*упанаяна*) [Sen 1978: 154].

Обучение сборщика мунджи, очевидно, должно было начинаться с того, как отыскать в гуще зеленых листьев центральный стебель. Реальность, впрочем, вносит здесь поправку к комментарию Рамакришны: стебель нельзя противопоставлять как «нежный», «мягкий» (*komala*) «грубым» (*sthyala*) листьям; его оболочка, заключающая в себе мягкую сердцевину, довольно тверда. Самым близким к истине оказывается старый перевод Д. Роусона: «извлекают... как тростник из его “чехла”» (“as from its sheath a reed”) [Rawson 1934: 209]. Здесь, правда, неточность в том, что «листовым чехлом» или «листовым влагалищем» ботаники называют лист, которым полностью обернут стебель; а в случае с мунджей задача сборщика состоит в том, чтобы по известным признакам (форма и толщина, другой цвет) отличить центральный твердый стебель от закрывающих его собой, параллельно растущих или от него же исходящих листьев. Сходным образом йогину в текстах рекомендуется научиться быстро обнаруживать по определенным признакам в своей душе бессмертное духовное начало — Атман.

Ранние тексты индийских религий изобилуют такого рода аналогиями, «примерами» или моделями, призванными путем сравнения прояснить суть философских концепций или неопишуемых иными способами глубинно-психологических практик. При этом часто в качестве объектов сравнения фигурируют (как в нашем случае) реалии сельского быта и трудовые процессы, технологии ремесел (напр., изготовления гончаром глиняного горшка и т.п.). К сожалению, до сих пор природа многих реалий и процессов, подразумеваемых в объектах сравнений, остается неясной для филологов и историков философии. Их идентификация посредством притяжения «полевых» этнографических данных может содействовать ощутимому сдвигу в нашем понимании классической индийской культуры.

Вульф Е.В., Малеева О.Ф. Мировые ресурсы полезных растений. Л.: Наука, 1969.

Кочергина И.А. Санскритско-русский словарь. М., 1996.

Махабхарата. Книга пятая. Удьюгапарва, или Книга о старании / Пер. с санскр. и коммент. В.И. Кальянова. Л.: Наука, 1976.

Лунный свет Санкхьи. Ишваракришна. Санкхья-карика. Гаудапада. Санкхья-карика Бхашья. Васчаспати Мишра. Таттва Каумуди / Изд. подготовил В.К. Шохин. М.: Ладомир, 1995.

Упанишады / Пер. с санскр., предисл. и примеч. А.Я. Сыркина. М.: ГРВЛ, 1967.

Шохин В.К. Первые философы Индии. М.: Ладомир, 1997.

Философские тексты «Махабхараты». Вып. 1. Кн. 2. Анугита и Книга Санатсуджаты / Пер. с санскр., предисл., примеч. и толковый словарь Б.Л. Смирнова. Ашхабад: «Бълым», 1977.

Appte V.S. The Student's Sanskrit-English Dictionary. Delhi-Varanasi-Patna: Motilal Banarsidass, 1965.

Buhtlingk O. Sanskrit Wurterbuch in kьrzerer Fassung. Th. V. St.Petersburg: Kaiserlichen Academie der Wissenschaften, 1884.

Living Traditions: Studies in the ethnoarchaeology of South Asia / Ed. by B.Allchin. New Delhi: Oxford & IBH Publishing Co., 1994.

Mayrhofer M. Kurzgefasstes etymologisches Wurterbuch des Altindischen. Band I. Heidelberg: Karl Winter — Universitдtsverlag, 1956

Monier-Williams M. A Sanskrit-English Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 1899.

Rawson J.N. The Karṇa upanicad. An introductory study in the Hindu doctrine of God and human destiny. Oxford: OUP, 1934.

Sechzig Upanishad's der Veda. Aus dem Sanskrit ьberzerzt .. von P.Deussen. 3 Aufl., Leipzig, 1938.

Sen Ch. Dictionary of Vedic Rituals. Delhi: Concept Publishing Company, 1978.

The Mahьbhvrata. 4. The Book of Virvta. 5. The Book of the Effort / Tr. and ed. by J.A.B. van Buitenen. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1978.

The Principal Upanishads / Ed. with introduction, text, translation and notes by S. Radhakrishnan. L., 1953.

Vier philosophische Texte des Mahьbhvratam... In gemeinschaft mit Dr. O.Strauss aus dem Sanskrit ьberzerzt von P.Deussen. 2-e Auflage. Leipzig: F.A.Brockhaus, 1922.

Я.В. Васильков

**О ПРОИСХОЖДЕНИИ ИНДИЙСКОГО СОБРАНИЯ,
ПЕРЕДАННОГО В МАЭ ИЗ ПЕРВОГО ФИЛИАЛА
ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА (Б. МУЗЕЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО
УЧИЛИЩА ТЕХНИЧЕСКОГО РИСОВАНИЯ БАРОНА ШТИГЛИЦА)**

Обстоятельства, при которых индийские материалы были переданы из бывшего Музея училища барона Штиглица в МАЭ, впервые прояснены в ходе специального исследования, произведенного по архивным данным в середине 1990-х гг. Т.М. Моисеевой. К сведениям об этом, содержащимся в ее статье [Моисеева 1995: 153–162], и сейчас нечего добавить; воспользуемся разве что случаем, чтобы еще раз подчеркнуть значение самоотверженной деятельности Эрнста Конрадовича Кверфельда (1877–1949) — последнего директора Музея училища барона Штиглица, с 1924 г. — заведующего I филиалом Гос. Эрмитажа, посредством передачи в надежные руки спасшего индийское собрание, как и